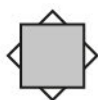

Василий
Белов

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 43

Оформление обложки Виктории Манацковой

Белов В.

Б 43 Привычное дело : повести, рассказы / Василий Белов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-389-32142-7

Василий Иванович Белов (1932–2012) — один из самых любимых народом авторов «деревенской прозы». Его жизнь и творчество были неразрывно связаны с Вологодским краем. Широкое литературное признание писатель получил в шестидесятые годы благодаря повести «Привычное дело», в которой он создал незабываемый образ Ивана Африкановича — своего современника, простого деревенского мужика из тех, на ком держится русская земля, близкого по духу таким персонажам, как Василий Теркин у Твардовского или Иван Денисович у Солженицына. Голосом лукавого рассказчика-скомороха обращаются к читателю «Бухтины вологодские завиральные» — байки и былички, записанные (а может быть, отчасти и сочиненные) Беловым в родных краях. В другом, более серьезном тоне написаны «Плотницкие рассказы»: мастер, деревенский старожил, делаясь секретами своего ремесла, вспоминает прожитые годы, все свои горести и радости. Наконец, киноповесть «Целуются зори», экранизированная знаменитым актером Сергеем Никоненко, — это забавные приключения трех односельчан в городе, где им предстоит ощутить себя чужими и бесприютными. О чем бы ни писал Белов, в его произведениях всегда звучит вера в человека, неповторимый, истинно народный лукавый юмор, любовь к неброской красоте Русского Севера.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32142-7

© В. И. Белов (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ПРЯМЫМ ХОДОМ

— Парме-ен? Это где у меня Парменко-то? А вот он, Парменко. Замерз? Замерз, парень, замерз. Дурачок ты, Парменко. Молчит у меня Парменко. Вот, ну-ко мы домой поедем. Хошь домой-то? Пармен ты, Пармен...

Иван Африканович еле развязал замерзшие вожжи.

— Ты вот стоял? Стоял. Ждал Ивана Африкановича? Ждал, скажи. А Иван Африканович чего делал? А я, Пармеша, маленько выпил, выпил, друг мой, ты уж меня не осуди. Да, не осуди, значит. А что, разве русскому человеку и выпить нельзя? Нет, ты скажи, можно выпить русскому человеку? Особенно ежели он сперва весь до кишков на ветру промерз, после проголодался до самых костей? Ну, мы, значит, и выпили по мерзавчику. Да. А Мишка мне говорит: «Чего уж, Иван Африканович, от одной только в ноздре разъело. Давай, — говорит, — вторительную». Все мы, Парменушко, под сельпом ходим, ты уж меня не ругай. Да, милой, не ругай. А ведь с какого места все дело пошло? А пошло, Пармеша, с сегодняшнего утра, когда мы с тобой посуду пустую сдавать повезли. Нагрузили да и повезли. Мне продавщица grit: «Свези, Иван Африканович, посуду, а обратно товару привезешь. Только, — grit, — накладную-то не потеряй». А когда это Дрынов накладную терял? Не терял Иван Африканович накладную. «Вон, —

говорю, — Пармен не даст мне соврать, не терял накладную». Свезли мы с тобой посуду? Свезли! Сдали мы ее, курву? Сдали! Сдали и весь товар в наличности получили! Так это почему нам с тобой выпить нельзя? Можно нам выпить, ей-богу, можно. Ты, значит, у сельпа стоишь, у высокого-то крылечка, а мы с Мишкой. Мишка. Этот Мишка всем Мишкам Мишка. Я те говорю. Дело привычное. «Давай, — говорит, — Иван Африканович, на спор; не я буду, — грит, — ежели с хлебом все вино из блюда не выхлебаю». Я говорю: «Какой ты, Мишка, шельма. Ты ведь, — говорю, — шельма! Ну кто вино с хлебом ложкой хлебает? Ведь это, — говорю, — не шти какие-либо, не суп с курой, чтобы его, вино-то, ложкой, как тюрю, хлебать». — «А вот, — говорит, — давай на спор». — «Давай!» Меня, Пармеша, этот секрет разобрал. «На что, — Мишка меня спрашивает, — на что, — спрашивает, — на спор идешь?» Я и говорю, что ежели выхлебаешь не торопясь, так ставлю еще одну белоглазую-то, а ежели проиграешь, дак с тебя. Ну, взял он у сторожихи блюдо. Хлеба накрошил с полблюда. «Лей, — говорит. — Большое блюдо-то, малированное». Ну я и ухнул всю бутылку белого в это блюдо. Начальство, какое тут изладилось, заготовители эти и сам председатель сельпа Василей Трифонович глядят, затихли, значит. И что бы ты, Парменушко, сказал, ежели этот пес, этот Мишка, всю эту крошенину ложкой выхлебал? Хлебает да крикает, хлебает да крикает. Выхлебал, дьявол, да еще и ложку досуха облизал. Ну, правда, только хотел он закурить, газетку у меня оторвал, рожу-то и повело у него; видно, его и прижало тутотка. Выскочил из-за стола да на улицу. Вышибло его, шельму, из избы-то. Крылечко-то у сельпа высокое, как он рыгнет с крылечка-то! Ну да ты тут у крылечка и стоял, ты его видел, мазурика. Заходит он обратно, в лице-то кровинушки нет, а хохотнул! У нас, значит, с ним конфликт. Все мне-

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

нья пополам разделились: кто говорит, что я проспори́л, а кто говорит, что Мишка слово не выдержал. А Василий-то Трифо́нович, председа́тель сельпа-то, встал на мою сторону да и говорит: «Твоя взяла, Иван Африка́нович. Потому как выхлеба́ть-то он, коне́шно, выхлебал, а в нутре-то не удержал». Я Мишке говорю: «Ладно, шут с тобой! Давай пополам купим. Чтобы никому не обидно было». Чего? Ты что, Пармен? Чего встал-то? А-а, ну давай, давай. Я тоже с тобой побрызгаю за компанию. За компанию-то оно, Пармеша, всегда... Тпрры! Пармен? Кому говорят? Тпрры! Ты, значит, меня не подождал, пошел? Я тебя сейчас вожжами-то. Тпрры! Будешь ты знать Ивана Африка́новича! Ишь ты! Ну вот и стой по-людски, где у меня, эти... пуговицы-то... Да, кх, хм.

Нам недолго погулять,
А только до девятого.
Оставайся, дорогая,
Наживай богатого.

Вот теперь поехали, поехали с орехами, поскакали с колпаками...

Иван Африка́нович надел рукавицы и опять уселся на груженные сельповским товаром дровни. Мерин без понукания в бок сдернул прикипающие к снегу полозья, он споро волок тяжелый воз, изредка фыркал и прядал ушами, слушая хозяина.

— Да, брат Парменко. Вон оно как дело-то у нас с Мишкой обернулось. Ведь налелькались. Налелькались. Пошел он в клуб к девкам, девок-то тут у сельпа побольше, какая в пекарне, какая на почте, вот он и пошел к девкам-то. И девки все экие толстопятые, хорошие, не то что у нас в деревне, у нас-то все разъехались. Весь первый сорт по замужьям разобрали, остался один второй да третий. Дело привычное. Я говорю: «Поехали, Миша, домой», — нет, к девкам пошел. Ну, дело по-

нятное, мы тоже, Пармеша, были молоденькие, это уж теперь-то нам все сроки вышли и соки вытекли, дело привычное, да... А как думаешь, Парменко, попадет нам от бабы-то? Попадет, ей-богу, попадет, это уж точно! Ну, ее бабье дело такое, ей тоже надо скидку делать, бабе-то, скидку, Парменко. Ведь у ее робетешек-то сколько? А у ее их, этих клиентов-то, чур будь, ей тоже не мед, бабе-то, ведь их восемь... Али девять? Нет, Пармен, вроде восемь... А с этим, который... Ну, этот, что... которой в брюхе-то... Девять? Аль восемь? Хм... Значит, так: Анатошка у меня второй, Танька первая. Васька за Анатошкой был, первого мая родила, как сейчас помню, за Васькой Катюшка, после Катюшки Мишка. После, значит, Мишка. П-п-погоди, а Гришку куда? Гришку-то я и забыл, он-то за кем? Васька за Анатошкой, первого мая родился, за Васькой Гришка, после Гришки... Вот ведь, унеси леший, сколько накопил! Мишка, значит, за Катюшкой, за Мишкой Володя еще, да и Маруся, эта меньшуха, родилась в межумолоки... А перед Катюшкой-то кто был? Значит, так, Анатошка у меня второй, Танька первая, Васька первого мая родился, Гришка... А, шут с ним, все вырастут!

Нам недолго погулять...
А только до девятого...

Тпрры, стой, Парменко, тут нам потихоньку надо, как бы не окувыркнуться.

Иван Африканович слез на дорогу. Он с такой серьезностью поддерживал воз и дергал за вожжи, что мерин как-то даже снисходительно, нарочно для Ивана Африкановича замедлил ход. Уж кому-кому, а Пармелу-то была хорошо известна вся эта дорога...

— Ну, вот так, давай, вроде проехали мостик-то, — приговаривал ездовой. — Нам бы только с тобой на-

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

кладную-то не ухайдакать, накладную-то... А ведь я тебя, Парменко, еще вот каким помню. Ведь ты тогда еще у матки титьку сосал, вот я тебя каким помню. И матку твою помню, звали Пуговкой, до того мала была да кругла, сгонили покойную головушку на колбасу, матку-то. Я, бывало, на ней за сеном ездил в Масленицу, на старые стожъя, дорога-то была вся через пень-колоду, дак она, матка-то твоя, как ящерка с возом-то, где ползком, где скоком, до того послушна была в оглоблях. Не то что ты теперешной. Ведь ты, дурак, и не пахивал, и в извозе дальше сельпа не езживал, ты ведь одно вино да начальство возишь, у тебя жизнь-то как у Христа за пазухой. Я ведь тебя еще каким помню? Ну, конечно дело, тебе тоже досталось. Помнишь, как семенной горох возили, а ты из оглобель-то вывернулся! Да как мы тебя, прохвоста, всем миром из канавы на ноги ставили? А ведь я тебя еще вот эконьким помню-то, — бывало, бежишь по мосту весь празднишной, дак копытка-ти у тебя так и брякают, так и брякают, и никакой-то заботушки у тебя тогда не было. А теперь что? Ну, возишь ты вина вдоволь, ну там кормят тебя, поят, а дальше что? Вот сдадут тебя тоже на колбасу, в любой момент могут, а ты что? Да ничего, пойдешь как миленький. Вот ты говоришь, баба. Баба, она, конечно, баба и есть. Только у меня баба не такая, она и отряховку даст кому хошь. А мне ни-ни с пьяным. Пьяного она меня пальцем не тронет, потому что знает Ивана Африкановича, век прожили. Тут уж, ежели я выпил, мне встречь слова не говори и под руку не попадай, у меня рука кому хошь копоты нагонит. Верно я говорю, Пармен? То-то, это уж точно я говорю, это уж как в аптеке, нагоню копоты. Чево?

Нам недолго погулять,
А только до де...

Я говорю, что Дрынова хто зажмет? Нихто Дрынова не зажмет. Дрынов сам кого хошь зажмет. Куда? Это ты куда, дурак старый, воротишь-то? Ведь ты не на ту дорогу воротишь! Ведь мы с тобой век прожили, а ты, понимаешь, куда воротишь? Это тебе домой дорога-то, что ли? Это тебе дорога не домой, а на вырубку. Я тут сто раз ездил, я тебе... Что? Я тебе полягаюсь, я вот тебе полягаюсь! Ты дорогу лучше меня знаешь? Ты, прохвост, вожжей захотел? Нна! Нна, вот тебе, ежели так! Ступай куда велят, свой прынцип не отстаивай! Чего заоглядывался? Ну? То-то, дурак, иди куда велено!

Нам недолго погулять,
 Ых, только до...

Иван Африканович отхлестал мерина и примирительно зевнул:

— Ишь ты, Парменко, как меня разморило-то. Мы с тобой сейчас домой прикатим, товар сдадим, самовар поставим. Распрягу я тебя либо бабе скажу, и пойдешь ты, дурачок, домой, в конюшную. Ведь ты дурак, Парменко? Вот и я говорю, что ты дурачок, хоть ты и умный мерин, а дурачок. Ничего-то в жизни не смыслишь. Ты вон свернуть хотел на другую дорогу, а я тебя восстановил. Восстановил я тебя на верную путь али не восстановил? То-то! А нам недолго погулять... Ты, дурак, чего опять остановился? Который раз останавливаешься. Ты домой не хошь? Отведаешь у меня еще вожжей, ежели! Вон и деревню видно, сдадим мы товар, самовар поставим, нам теперь что, нам теперь всё вчера до обеда. Дурак ты, Парменко, дурак, тебе домой неохота. Вот и деревня рядом, вон и трактор Мишкин. Что? Какая это деревня-то? Вроде не наша деревня. Ну. Ей-богу, не та деревня. Вон и сельпо есть, а в нашей сельпа нет, это уж точно, а тут сельпо. Вон и крылечко высокое. Мы ведь, Парменко, вроде бы тут и товар грузили? Хм. Пра-

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

во слово, тут. Пармен ты, Пармен! Нет ведь у тебя толку-то, ишь куда ты меня завез. Вот ведь куда нас повело. Парме-ен? Ну, теперь мы с тобой домой поедем. Вот, вот, заворачивай-ко, батюшко! Ведь я тебе еще каким помню-то? Ведь ты еще маткину титьку губами дергал... Мы с тобой ходко... К утру дома будем, как в аптеке... Теперь мы, Пармеша, прямым ходом. Да, это... Прямым... Дело привычное.

2. СВАТЫ

Иван Африканович закурил, а мерин, не останавливаясь у сельповского крыльца, завернул обратно. Он трудолюбиво и податливо тащил груженные дровни с Иваном Африкановичем в придачу, поющим одну и ту же рекрутскую частушку.

Красная большая луна встала над лесом. Она катилась по еловым верхам, сопровождая одинокую, скрипящую завертками подводку.

Снег затвердел к ночи. В тишине ядрено и широко тянуло запахом натаявшей за день и ночью вымерзающей влаги.

Иван Африканович теперь молчал. Он трезвел и, будто засыпающий петух, клонил голову. Сперва ему было немножко стыдно перед Парменом за свою оплошность, но вскоре он как бы не нарочно забыл про эту вину, и все опять установилось на своих местах.

Мерин, чувствуя за спиной человека, топал и топал по затвердевшей дороге. Кончилось небольшое поле. До Сосновки, где была половина дороги, оставался еще небольшой лесок, встретивший подводку колдовской тишиной, но Иван Африканович даже не шевельнулся. Приступ словоохотливости, как по команде, сменился глубоким и молчаливым равнодушием. Сейчас Иван

Африканович даже не думал, только дышал да слушал. Но и скрип завертки, и фырканье мерина не задевали его сознания.

Из этого небытия его вывели чьи-то совсем близкие шаги. Кто-то его догонял, и он поежился, очнулся.

— Эй! — окликнул Иван Африканович. — Мишка, что ли?

— Ну!

— А то чую, бежит кто-то. Что, видать, ночевать-то не оставили?

Мишка, сердитый, шмякнулся на дровни, мерин даже не остановился. Иван Африканович, ощущая собственную хитрость, оглядел парня. Мишка, нахлобучив ворот телогрейки, закуривал.

— Кого сегодня отхватил? — спросил Иван Африканович. — Не ту, что в сапожках-то ходит?

— А ну их всех на...

— Что эдак?

— «Зоотэхник в истэрике»! — передразнил Мишка кого-то. — Чик-брик, пык-мык! Дуры шпаклеванные. Видал я такую интеллигенцию!

— Не скажи, — трезво сказал Иван Африканович, — девки ядреные.

Оба долго молчали. Пожелтела и стала меньше высокая к полуночи луна, тихо дремали кустики и скрипела завертка, топал и топал неустанный Пармен, а Иван Африканович, казалось, что-то сосредоточенно прикидывал. До Сосновки, небольшой деревеньки, что стояла на середине пути, оставалось полчаса езды. Иван Африканович спросил:

— Ты Нюшку-то сосновскую знаешь?

— Какую Нюшку?

— Да Нюшку-то...

— Нюшка, Нюшка... — Парень сплюнул и перевернулся на другой бок.

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

— Экой ты, право... — Иван Африканович покачал головой. — А ты забудь про этих ученых! Раз наш брат малограмотный, дак и нечего. Наплюнь, да и все. Дело привычное.

— Иван Африканович, а Иван Африканович? — вдруг обернулся Мишка. — А ведь у меня эта бутылка-то не распечатана.

— Да ну! Какая «эта»?

— Ну та, что ты мне проспорил-то. — Мишка выгнул бутылку из кармана штанов. — Вот мы сейчас обогреемся.

— Вроде бы из горлышка-то... неудобно перед народом, да и так. Может, не будем, Миша?

— Чего там неудобно! — Мишка уже распечатал посудину. — Ты вроде бы пряники грузил?

— Есть.

— Давай откроем ящик да возьмем двух на закуску.

— Нехорошо, парень.

— Да скажу завтра продавщице, чего боишься? — Мишка топором отодрал фанеру ящика, достал два пряника.

Выпили. Уже затихший было, но подновленный хмель сделал светлее нехолодную ночь, вдруг и скрипящая завертка, и шаги мерина — все приобрело смысл и заявило о себе, и уже луна не казалась Ивану Африкановичу ехидной и равнодушной.

— Я тебе, Миша, так скажу. — Иван Африканович наскоро дожевывал пряник. — Ежели человек сердцем не злой, да люб, да работник, дак не хуже никакого и зоотехника либо там госстраха. Вот Нюшку возьми...

Мишка слушал. Иван Африканович, не зная, угодил ли парню своими словами, крякнул.

— Конечно дело, грамота тоже, это... не лишнее в девке. А и ты-то парень у нас не худой, чего говорить... Да. Это, значит... чего говорить...

Допили, и Мишка далеко в кусты бросил пустую посудину, спросил:

— Ты про какую Нюшку говорил? Про сосновскую?

— Ну! — обрадовался Иван Африканович. — Вот уж девка, и красивая, и работница. А ноги возьми, что вырублены. Она с моей бабой недавно на слете была, дак оне там по отрезу самолучшему отхватили. А этих грамот у нее — дак все стены завешаны.

— С бельмом.

— Чево?

— С бельмом, говорю, эта Нюшка.

— Ну и что? Тебе-то что это бельмо? Это бельмо и видно-то, только ежели глядеть спереди, а сбоку да ежели с левого, дак никакого и бельма не видно. Грудина, а ноги-то, девка что баржа. Куда супротив Нюшки этим зоотехникам. Вон зоотехница-то пришла один раз на двор, а Куров поглядел да и говорит: «Добра девка, только ноги дома оставила». Нету, значит, ног-то почти. Как палочки. А Нюшка вон идет, дак глядеть-то любодорого. Все простенки в грамотах да в гербовых листах, и в дому одна с маткой. А вот хошь, сейчас привернем? Хоть сейчас и сосватаю!

— А что, думаешь, сгузаю? — сказал Мишка.

— Всурьез тебе говорю.

— И я всурьез!

— Мишк! Да я... да мы... мы с тобой, знаешь? Ты Ивана Африкановича знаешь! Да мы, мы... Пармен?!

Иван Африканович ударил по мерину вожжами, раз, другой. Пармен нехотя обернулся, но дело было уже под горку, дровни покатались. Мерину поневоле пришлось перейти на рысь, и через минуту возбужденные дружки по-молодецки, с частушкой вкатили в Сосновку:

Дорогая, не гадай.
Полюбила — не кидай.
Держись старого ума —
Люби мазурика меня.

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

Сосновка спала запредельным сном. Ни одна собака не взлаяла при появлении подводы: дома, редкие словно хуторки, мерцали лунными окошками. Иван Африканович наскоро поставил мерина у поленницы, бросил с воза последнее сенцо.

— Ты, Миша, вот что, уж ты положишься на меня, сам-то больше помалкивай. Мне это дело не в первый раз, я Степановну, матку-то, давно знаю, как-никак тетка двоюродная. Не больно мы пьяные-то?

— Надо бы еще разжиться...

— Ч-ч! Молчок покаместь!.. Степановна? — Иван Африканович осторожно постучал по воротам. — А Степановна?

В избе вскоре вздули огонь. Потом кто-то вышел в сени, отпер ворота.

— Кто это полуночник? Только на печи легла. — Старуха в фуфайке и в валенках открыла ворота. — Вроде Иван Африканович.

— Здорово, Степановна! — Иван Африканович бодрился, стучал нога об ногу.

— Проходи-ко, Африканович, куда ездил-то? А это кто с тобой, не Михайло?

— Он, он.

В избе и в самом деле было красно от почетных грамот и дипломов, горела лампа, большая беленая печь и заборка, оклеенная обоями, разделяли избу на две части. Колено самоварной трубы висело у шестка на гвоздике, рядом два ухвата, совок и тушилка для угольков, сам самовар стоял, видно, в шкапу.

— Ночевать будете али как? — спросила Степановна и выставила самовар.

— Нет уж, мы прямым ходом... Обогреемся да и домой. — Иван Африканович снял шапку и сложил в нее свои мохнатые рукавицы. — Нюшка-то где, спит, что ли?

— Какое спит! Две коровы должны вот-вот отелиться, дак убежала еще с вечера. Каково живешь-то?

— А добро! — сказал Иван Африканович.

— Ну и ладно, коли добро. Не родила еще хозяйка-то?

— Да должна вот-вот.

— А я только на печь забралась, думаю, Нюшка стучает, ворота-то мы запираем редко.

Зашумел самовар. Старуха выставила из шкапа бутылку. Принесла пирога, и Иван Африканович кашлянул, скрывая удовлетворение, поскреб штаны на колене.

— А ты-то, Михайло, все в холостяках? Женился бы, дак и меньше вина-то пил, — сказала Степановна.

— Это уж точно! — Мишка, смеясь, хлопнул ее по плечу. — Вина-то я, Степановна, много пью. Ведь вот и сегодня до чего допил, что прямо беда! Беда!

Мишка с горестным весельем качал головой:

— Бери зятем, пока...

Иван Африканович пнул Мишку валенком под стол, но Мишка не унимался:

— Отдашь за меня дочку-то, что ли?

— Да со Христом! — засмеялась бабка. — Берите, ежели пойдет, хоть сейчас и вези.

Ивану Африкановичу ничего не оставалось делать, как тоже включиться в дело; он уже громко, на всю избу, кричал Степановне и Мишке:

— Ну вот и я говорю, точно! У девки, у Нюшки, руки-то... Грамот одних... Миш? Я те говорю, точно! Степановна? Ты меня знаешь! Иван Африканович кому худо делал? А? По-сурьезному!.. Я ему говорю, сейчас в Сосновку приедем, так? Он мне говорит... Нюшка! А ну-ко выходи сюда, Нюшка! Вот я сейчас на ферму пойду, Нюшку приведу. Степановна? Ч-ч!

Однако Ивану Африкановичу не пришлось идти за Нюшкой. Стукнули ворота, и Нюшка сама объявилась на пороге.

— Аннушка! — Иван Африканович с полной стопкой встал ей навстречу. — Анютка! Троюродная! Да мы

тебя... да мы... мы... Да экой девки на всю округу нету! Ведь нету такой девки? Одних грамот... Ч-ч! Миш? Всем наливай. Я говорю, что нет лучше девки! А Мишка? Да разве Мишка худ парень? Ведь мы, Анюта, за тобой... значит, это самое, сватаем.

— Чего? — Нюшка, в навозных сапогах и в пропахшей силосом фуфайке, встала посреди избы и, прищурившись, поглядела на сватов. Потом бросилась за перегородку, проворно выскочила оттуда с ухватом: — Неси, леший! Чтобы духу вашего не было, пьянчужки несчастные! Неси, леший, пока глаза-то не выколола! Неси вас леший, откуда пришли!

Иван Африканович недоуменно попятился к двери, не забыв, однако, прихватить шапку с рукавицами, а старуха попыталась остановить дочку:

— Анна, да ты что, сдурела?

Нюшка заревела, схватила Ивана Африкановича за ворот:

— Иди, пустая рожа! Иди, откуда пришел, сотона! Сват выискался! Да я тебе...

Не успел Иван Африканович очнуться, как Нюшка сильно толкнула его, и он очутился на полу, за дверями; таким же путем оказался в сенях и Мишка.

Потом она выскочила в коридор, уже без ухвата. Еще более бесцеремонно и окончательно вытолкала сватов на улицу и захлопнула ворота...

В доме стоял рев. Нюшка с плачем кидала на пол что попало, вся в слезах кричала и металась по избе и материла весь белый свет.

— Ну и ну!.. — сказал Мишка, щупая локоть.

А Иван Африканович растерянно хмыкал.

Он еле поднялся, сперва на четвереньки, потом, опираясь на руки, долго разгибал колени, с трудом выпрямился:

— Хм! Вот ведь... Бес, не девка. В ухо плюнуть да заморозить. Пармен? А где у меня Пармен?

Пармена у поленницы не было. Иван Африканович забыл привязать мерина, и он давно уже топал домой, топал один, под белой луной по тихой дороге, и завертка одиноко скрипела в ночных полях.

3. СОЮЗ ЗЕМЛИ И ВОДЫ

Под утро погода сменилась, пошел снег, поднялся ветер. Во всех подробностях и с красочными прибавками про сватовство Мишки Петрова знала вся округа: сарафанная почта сработала безотказно, даже в такую выюгу.

Магазин открылся в десять часов, бабы ждали выпечки хлеба и со вкусом обсуждали новость:

— Говорят, сперва-то ухватом, а потом ножик сгребла со стола-то да с ножиком на мужиков-то!

— Ой, ой, а старуха-то что?

— А что старуха? Она, говорят, и старуху кажин день колотит.

— Ой, бабы, полноте, что здря говорить. Нюшка матку пальцем не трагивала. Нет, дружно у их с маткой, экую бухтину про Нюшку разнесли.

— Чего говорить, смирёнее не было девки.

— Дак лошадь-то пришла?

— Пришла одна, ни мужиков, ни накладной нету.

— Говорят, в бане в сосновской и ночевали.

— Дорвались до вина-то!

— Готовы в оба конца лить.

— Товар-то целой, однако?

— Преников-то привезли, а говорят, у двух самоваров кранты отломило, мерин-то сам забрел на конюшню, дровни-то перекувыркнулись.

— Ой, ой, ведь не рассчитаться Иван-то Африкановичу!

— А все вино, вино, девушки, не было молодца побороть винца!

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

— Да как не вино, знамо, вино!

— Сколь беды всякой от его, белоглазого, сколь беды!

Заходили все новые и новые покупательницы. Завернул бригадир, ничего не купил, потолкался и ушел, зашли трактористы за куревом. И весь разговор крутился опять же вокруг Мишки да Ивана Африкановича.

Ивана Африкановича видели рано утром, как бежал откуда-то, как зашел в дом и будто бы закидался по избе, потому что еще вчера, пока ездил в сельпо, жену его, Катерину, увезли в больницу родить, жены не оказалось, и будто бы он сказал теще, старухе Евстоле, что, мол, все равно он, Иван Африканович, задавится, что он без Катерины хуже всякой сироты. Теща же Евстоля, по словам баб, сказала Ивану Африкановичу, что она, хватит, намаялась, что уедет к сыну Митьке в Северодвинск, мол, нажилась вдоволь, покачала люльку по ночам, что вам бы, мол, с Катериной только обниматься и что она, Евстоля, дня больше не останется и уедет к Митьке.

Конца-краю нет бабьим пересудам... Продавщица ушла на конюшню, писать акт, наказав бабам приглядывать за прилавком, и в магазине стоял шум, бабы говорили все сразу, жалели Ивана Африкановича и ругали Мишку. В ту самую минуту и ввалился в магазин сам Мишка, со вчерашнего пьяный, без шапки.

У кого какой милой,
У меня дак Мишка,
Никогда не принесет
Лампасею¹ лишка! —

спел он и замотал головой. — Здорово, бабы!

— Здравствуй, здравствуй, Михайло.

— Чего веселой-то?

— А-а...

¹ *Лампасей* — просторечье: конфеты, от слова «монпасье».

— Не привез невесту-то?

— Нет, бабы, не вышло дело.

— Голова-то, поди, болит?

— Болит, бабы, — признался парень и сел на приступок. — Не ремесло это, вино эдак глушить. Нет, не ремесло... — Мишка мотал головой.

— А куда друга-то девал, свата-то? — как бы всерьез допытывались бабы.

— Ох и не говори! Сват-от дак... — Мишка долго хохотал на приступке и от этого закашлялся. — Ой, бабы! Ведь нас, как этих... как диверсантов...

— Не приняла?

— Выставила! Ухватом этим... У меня и сейчас локоть болит; как она шуганет, мы с лесенки-то ракетой. Как ветром нас сдуло! Ой, бабы! Лучше не говорите...

Мишка опять зашелся в смехе и кашле, а бабы не отступались:

— Дак вдругорядь-то не стукались?

— Что ты! Нам и того сраженья — за глаза. Очнулись, что делать? Мерин домой ушел, стоим на морозе. Я говорю: «Пойдем, Иван Африканович, баню найдем да до утра как-нибудь прокантуемся. Думал, на перине буду ночевать с Нюшкой, а все повернулось на сто градусов». Пошли, баню нашли.

— Чья баня-то? Ихняя?

— Ну! Теплая еще, и воды полторы шайки. Я говорю, давай, Иван Африканович, раз дело со сватовством не вышло, дак хоть в тещиной бане вымоемся.

— Ой, сотона! Ой, гли-ко, ты бес-то! — Бабы, смеясь, завсплескивали руками.

— «...Снимай, — говорю, — Иван Африканович, рубаху, будем грехи смывать». А он упрямится, форс показывает: мочалки нет, того нет. «Меня, — говорит, — в Москве в трех домах знают. — Я, — говорит, — чаю без сахару не пивал, не буду, как дезертир, в чужой бане

мыться. Да и жару, — говорит, — нет». А я, бабы, взял ковшик, плеснул на каменку. Оно верно, никакого от каменки толку, все равно, думаю, не я буду, ежели в тещиной бане не вымоюсь! Вот Ивану Африкановичу тоже деваться некуда, гляжу, раздевается.

— Вымылись?

— Ну! Без мыла, правда, а хорошо. Облоклись, легли на верхнем полке — валетом. А худо ли? Свищи, душа, через нос. Я, бывало, в Доме колхозника ночевал, дак там меня клопы до крови оглодали, а тут бесплатная койка. Только слышу, Иван Африканович у меня не спит. «Чего?» — спрашиваю. «А, — говорит, — ты эту... как ее... Верку-то заозерскую знаешь? Больно, — говорит, — добра девка-то». Я говорю: «Иди ты, Иван Африканович, знаешь куда! Что я тебе, богадельня какая? Одну с бельмом нашел, другую хромую. Эта Верка и под гору с батоном ходит». Он мне говорит: «Ну и что? Подумаешь, хромая, зато хозяйство и братанов много по городам». Я говорю: «Не надо мне этих братанов...»

— Нет уж, Мишка, Верка тебе тоже не невеста.

— Ну! Я и говорю Ивану Африкановичу...

В это время в магазин затащили ящики с товаром и два новых изуродованных самовара, завернутых в бумагу. Бабы переключились на товар, что да как, и Мишка, оставшись не у дел, замолчал.

— Прениками-то будешь торговать?

— Ой, бабы, кабы кренделей-то, кренделей-то хоть бы разок привезли...

Продавщица без накладной торговать новым товаром отказалась наотрез, свидетели подписали акт о сломанных самоварах и о наличии ящиков, а Мишка продолжал рассказывать:

— «Будешь ты, — говорю, — спать сегодня аль не будешь?» Слышу — захрапело. Я утром пробудился, гляжу, нет Ивана Африкановича. Один на полке лежу. Ви-

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ БЕЛОВ
ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Полина Малышева, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 19.03.2026.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21.84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

